

СТРАСТЬ ПОБЕДИТЕЛЬНАЯ

Не станем слишком рассуждать о иконографических нюансах этого греческого образа из Византийского музея в Афинах, относимого к 17 веку. Образ, созданного в период тотального порабощения и фактического исчезновения Византии с лица мира Божьего. Это достаточно поздняя икона создана в период развившейся европейской живописной традиции, давно уже к тому времени произрастившей свои замечательные живописные сюжеты противоборства святого Георгия со змием, кисти Рафаэля, Дюрера, Рубенса, Тинторетто, Учелло и множества иных мастеров, совершенно удалённых от иконописи. Рассматриваемый нами теперь извод, конечно же, прежде всего, икона, отделена от европейской религиозной живописи на иконный сюжет. Представляется, полезно и поучительно – увидеть этот образ в соотнесении с византийской иконой, несколько рассмотренной выше.

Непосредственное сопоставление этих икон едва ли правомочно вне некоего исторического контекста. Между этими образами видится будто бы пропасть разверстая, отнюдь, не эстетических перемен, да кардинального изменения общественных вкусов, художественных технологий... Пропать – иная: сопоставляя иконы, прослеживаем изображаемое события, в восприятии как бы, до и после свершившегося события, до и после гибели, исчезновения Византии – Рима. Перед нами теперь икона, созданная на руинах, окровавленных и дымящихся, образ чаемой победы на поле боя, оставленном неприятелю.

Икона создана с нарочито подчёркнутой вертикальной доминантой своей формы, она вытянута ввысь, рвётся из трагичной плоскости, за пределы горизонтального осязаемого пространства. Внутри этого пространства, как повсюду вокруг иконописца – осознание и проживание обездоленности на обломках утраченного царства, среди пней выкорченного Рая. Боже, как это всё близко и известно, созвучно теперь во глубине царства иного, Рима Третьего, поруганного и восстающего от пепелища и праха - медленно, величаво. Вернёмся к иконе. Здесь не встретим торжества золотого сияния нигде, кроме нимба святого. Само пространство верхнего фона ни то, что не доминирует в образе, - его почти нет, не более от 1/7 площади ковчега, узенькой полоской в районе начертания имени святого Георгия – область иконописного горнего – верхний иконный фон, отнюдь, не золотой. Столь незначительно узкое пространство, символически верхнего Божественного фона едва ли легко встретим в иконах. Повторимся, золоту в этом образе нет места нигде, кроме нимба, - лишь Господь, просиявший в победительном войне – силен. Рука воина, держащая копьё и часть фигуры царевны – так же отнечены к верхнему фону. Вся остальная иконная композиция помещена в нижний – зеленоватый фон – позём, внутри которого выделены области горок – персти. Как это необычно в иконном пространстве. Внешняя грань горок переходит в свет Божественный, непосредственно соприкасается с этим светом – цветом. Здесь не так: горки, очень похожие на развалины (не Града ли Царя?) соприкасаются с небом – позёмом, погружены в зелёный фон, - несозвучный ли цвету зелёного флага ислама.

В иконе нет символа благословляющей десницы Божией. Не благословляет Господь схватки? – скорее созерцает её, вплотную приблизившись и сострадавая противоборствующему. Сравним это со сценой жития святого Антония, боровшегося с бесами вблизи Бога, созерцавшего схватку, не вмешиваясь в её исход. Нет в изображении и города с людьми, сочувствующими происходящему у стен либо с высот башен. Повторимся здесь, упомянув о возникающем ощущении, что разрушены и стены и башни, - вот они, мерцают лещатками руин. Нет в этом образе очертаний города, в котором будет обезглавлен противник Божий и враг человеков. Погублены жители, только царевна ожидает исхода схватки, пребывая вне пространства композиции, не опираясь ногами на земную твердь, паря над землёю с поясом в руке, приготовленным к связыванию змия и вместо символа Господней десницы, как символ ожидания и надежды освобождения от власти змия, - благословляя подвиг святого Георгия.

Свирепствует разъярённый схваткою конь. Напряжён в боевом противостоянии витязь. Плотно, сильно и нервно прижат к телу воина боевой щит. Здесь не встретим уже никаких признаков величавого, торжествующего, спокойного и созерцательного великолепия византийской традиции. Взгляды коня и воина скрещены со взглядом чудища, опрокинутого на спинуи воздевающего крылья ко взмаху сильному. Раскрывается страшная белозубая пасть змия с огненным языком. Интересно здесь увидеть, насколько можно разобрать в утратах живописи, что змий повергается и как бы заталкивается ударом копья святого Георгия внутрь озера – в недра своего исконного обитания. Не в природные ли прикаспийские области тюркские – вовне от границ ойкумены, дарованной некогда православной Империи, поверженной нынче Византии.

Ни величавости форм, ни филигранности украшенных доспехов, ни красоты вальяжной... лишь ожесточение схватки, практически безнадежной, если бы ни торжество могучего символа – золота сияния славы Господней в нимбе святого. И ни ответ ли Господа, соприсутствующего противоборству – в свечении, лучащемся извне и отовсюду – бликами на волнах змиевого озера, отсветами на фигуре боевого коня, пробелами на лице святого воина. И вновь заметим, что образ царевны внятно обращает нас от глубин и пучин, казалось бы, невозвратно поверженного царства - к изводу образа триумфа над побеждённым змием. Рассмотрим далее некоторые яркие примеры иконографии триумфального шествия Победителя.

ОПУСТОШЁННОЙ СОФИИ

А вот и финал: распахнута ночь. Забрезжит ли утро?
Светящийся столп над городом ввысь. Безжизненный страх –
Как в рёбрах груди. Блуждала беда в безводных местах, -
Вселилась в нутро, в сердечную клетку, нежданно как будто.

Безместная глушь в соборе пустом и слёз перламутры, -
Что звёзд их теперь и чаша небес черна и пуста
Над выщербленной луной – с куполов на месте креста
Легла кверху дном... и стон изнутри, - удушливы путы.

Не конский ли храп! Во мраке густом дерзают копыта,
Разит копийё насквозь темноту, - воинствует кто-то
Увечным щитом, усталой рукой... упрямят взгляд.

В своём ли уме? Безумствующий? И Богом забыта,
Величественно империя спит, - утрома дремота
В шеоле миров... Но грозный Христос нисходит во ад.